

до 38-го года ходил капитаном, потом потерял зрение и просто рыбаком рыбачил на Мурмане. Там и Поньгомские, и Гридино. Виримский колхоз назывался «Труженик», они в Гаврилово стояли. Папа умер в 75-м году, до 47-го года он в море ходил. Война началась, но у него бронь была — рыбаков не брали, чтобы они на Мурмане рыбачили, — и на войну он не попал.

Война началась, мне два года было. У нас в доме жили два офицера — дядя Леша и дядя Федя. У них был патефон, они ставили всякие пластинки. Я заглядывала, где мембрана убиралась, думала, маленькие человечки поют (смеется)».

О местной топонимике

«Ветер — север есть север. Побережник — мокродырый, обедник. Потому что юго-восточный — всегда дождь идет. Юг — это гор-

«Ветер – север есть север. Побережник – мокродырый, обедник. Потому что юго-восточный – всегда дождь идет. Юг – это горный, юго-западный – шелоник, запад и северо-западный – полуночник».

ный, юго-западный — шелоник, запад и северо-западный — полуночник. В Нюхче немножко по-другому говорят. Про чай. В Вирме, я помню, говорят: «Не поешь три щечки — дак попьешь чаечку, а не попьешь чаечку — дак не поработаешь». Женщины мужей на Мурман отправляли рыбачить на весь сезон, а сами косили горбушами. Представьте, весь день косили. Да на веслах ходили в море, четыре женщины: одна на корме правит, а одна с парусом, и шнек то туго натянут, то ослабнут.

Еще в Вирме так говорили: «Чай пьют кума у кумы — в гости пришла. Налей ты мне еще! — Пей, кума, пятнадцатую, я ведь не считаю». А в Нюхче, мне рассказала Нюхоцкая, у них так говорили: «Сидит кума. Ну, кума, налей ты мне третью. — Седьму, кума, седьму, мне воды не жалко, а правда краше солнца, седьму, кума, седьму».

Один в поле

МУЕЗЕРО

Карельское озеро Муезеро, как и многие сотни его собратьев, запрятано в глуши северной тайги, где-то между Костомукшей и Беломорском. Озеро с удивительным островом под названием Троица, где стоит Никольская церковь, рубленая задолго до раскола в 1602 году — остатки Троицкого Муезерского монастыря. Места глухие, на острове староверческое кладбище с покосившимися домовинами.... Долго думали, как до него добираться. Вернее, как добраться, становится ясно, если взглянуть на карту. Грунтовок много, они вполне проходимые почти для любого автомобиля, но вот последний участок

в несколько километров внушал опасения и, как выяснилось позднее, не беспочвенные. Дорога долго петляла меж десятков озер, больших и малых, ныряя то в грязь и полуразрушенные мосты, то поднималась на пригорки, где взору открывались массивы зеленой тайги. Она становилась все уже, пока навигатор и бумажные карты (куда же без них в наш век прогресса и высоких технологий) не привели к небольшой отворотке буквально в лес. Несколько метров по лесному направлению, и огромные, торчащие из земли валуны окончательно затормозили наш путь.

Болотистые места

На острове Троица

Небо над Муезером

Окрестности Муезера, рассвет

Ну а утром продолжили уже пешком, встретив по пути следы сохатого, ну и, конечно, Михайла Потапыча. Забегая вперед, скажу, что, когда мы возвращались, по нашим следам прошел другой косолапый, видимо, шел он прямо за нами, высматривая прищельцев так, что позавидует любой сыщик. Продирались сквозь чащу леса, пока не показалось поле, заросшее чуть ли не по грудь снытью. Проплыв еще несколько метров гуськом друг за другом, мы увидели показавшиеся вдали домики — то была бывшая деревня Ушково, единственное оставшееся на берегах Муезера поселение.

Дядя Миша. Рыбак и философ

Сквозь зеленые, налитые соком заросли сныти нашему взору предстали несколько домиков, и сперва показалось, что деревня мертва, и возможность попасть на остров Троицы с Никольским храмом начала XVII века мысленно отдалилась еще дальше. Подошли к ближайшему дому: все заперто, через стекло просматривался нехитрый интерьер с русской

печкой. Есть ли вообще кто живой в этой деревне? Прошли дальше, следующий дом и — о чудо — раскрытая дверь! Покричали, заглянули внутрь, но никого не оказалось. Однако затеплилась надежда. Вдруг из соседней избы выходят два мужичка, подошли, поздоровались. Мужчина в усах назвался Михаилом. Пары слов про Муезерский монастырь оказалось достаточно. «Отвезешь?» — спросил второй. Так мы оказались на острове Троицы, но об этом отдельное слово.

Михаил любезно позвал в дом, пока мы оглядывались по сторонам и рассматривали незамысловатый рыбацкий быт. Хлопнув рюмашку для бодрости духа, дядя Миша дал нам по теплой куртке. «Возьмите, на озере дуть будет», — сказал он и стал одеваться. Надо сказать, мы были ему очень благодарны за это, ибо на озере действительно был далеко не штиль. Сев в шаткую «Пеллу», мы выдвинулись на возделенный остров Троица к остаткам Муезерского монастыря и, наверное, к самой старой шатровой деревянной церкви Карелии — Никольскому храму постройки начала

Дядя Миша

В рыбацкой избушке

XVII века! Об этом немного позже. А сейчас продолжу рассказ о дяде Мише, о его непростой жизни, о рыбалке, природе вокруг и многом другом. Впрочем, он сам все расскажет. А вы устраивайтесь поудобнее и чайку горячего покрепче, с баранками...

Муезерская сага.

Троицкий Муезерский монастырь

Официальная дата постройки Троицкой церкви 1602 год, но тут все не так просто. Первое упоминание встречается в «Описной книге Кемской волости», составленной в 1591 году сотником Семеном Юрневым при передаче части порубежных земель Поморья в собственность Соловецкому монастырю. К знаменитой бело-

морской обители был отписан и Троицкий монастырь, в котором тогда жили всего пять иноков. Представьте, какая это глушь была в те времена, если даже в XXI веке попасть на остров не так-то просто. Основал его преподобный Кассиан, который, согласно преданию, приплыл из Соловков на гранитной плите. Но предание преданием, а тем не менее осколки этой плиты до сих пор можно увидеть под огромной старинной елью. А раскололась плита в 70-х, когда на острове жили реставраторы и жгли на ней костер, что-то рубили... Называют и другие даты строительства Никольской церкви, но она точно была построена не позднее 1643 года, когда сведения о ней появились в документах. Остальные строения монастыря не сохранились, кроме двух крохотных часовен.

Интерьер Никольской церкви Троицкого монастыря, начало XVII века

Уникальной сохранившейся святыней монастыря являются два огромных, высотой под 4 метра, рубленых креста, над которыми построена часовня Образа Спаса Нерукотворного в 1672 году. Кресты производят неизгладимое впечатление, они цветные, с вырезанными словами молитвы, и были созданы в том же 1672 году старцем Алексеем.

Никольская церковь Троицкого монастыря до реставрации, начало XVII века

Под сенью старых елей

В 1764 году Екатерининская реформа монастырей — секуляризация — смогла дотянуться и до глухих карельских лесов. Троицкий монастырь как малочисленный был упразднен и стал приходским. Имущество было вывезено в неизвестном направлении, был там и подаренный Соловецким монастырем иконостас. Службы стали проводиться всего дважды в год, а присматривал за Никольским храмом сторож, назначавшийся из местных крестьян. Храм ветшал, ремонт проводился на рубеже XIX–XX веков, а масштабная реставрация прошла в 70-х.

На тот момент, когда мы были в Муезере, Троицкий храм был в аварийном состоянии: прогнил пол, многие венцы превратились в тру-

ху, а на крыше уже выросли полтораметровые березки. Еще немного, и можно было бы лишиться уникального древнего храма в таком месте, но, к нашему удивлению, внутри мы обнаружили свежие доски, завезенные совсем недавно. А позже выяснилось, что буквально на следующий год на острове начались масштабные реставрационные работы. Удалось застать храм в старом срубе с замшелыми бревнами, оставляющими неизгладимое впечатление той самой ожившей старины и машины времени. Справедливости ради стоит сказать, что в 2021 году реставрация была завершена, и мы имеем еще один спасенный уникальный шедевр наших предков. Будем надеяться, что простоят он еще не одну сотню лет.

Уникальной сохранившейся святыней монастыря являются два огромных, высотой под 4 метра, рубленых креста, над которыми построена часовня Образа Спаса Нерукотворного в 1672 году. Кресты производят неизгладимое впечатление, они цветные, с вырезанными словами молитвы, и были созданы в том же 1672 году старцем Алексеем. Рядом стоит совсем небольшая часовенка, в которой находились мощи преподобного Кассиана. Возможно, мощи сохранились под спудом — пока это остается неизвестным. Необычное название острова соответствует и его физической уникальности. Там сохранилось старообрядческое кладбище, поскольку большинство местных исторически были именно старообрядцами. Впрочем, как и сама Никольская церковь, поставленная задолго до раскола. Могилы старообрядцев с характерными голубцами — по образу домика с кровелькой — сохранились в нескольких местах на острове. Раньше под такой «крышей» помещали икону того святого, который был покровителем умершего. Старина и тишина — наверное, такие синонимы можно подобрать к острову Троица. Ну и, конечно, упитанные муезерские комары, куда же без них.

Несмотря на хорошую солнечную погоду, на озере разгулялся ветерок, и покидали монастырь мы уже в приличную волну. Вот когда теплые куртки, заботливо выданные нам дядей Мишей, были как нельзя кстати. После заброски нас на остров Троица дядя Миша пригласил в дом. За горячим чаем и неизменными баранками завязался разговор о житействе, о зверях да рыбах, погоде да международной обстановке. В общем, всем том, что волнует душу простого русского мужика. И стало так тепло вдруг на душе, будто знали

Обетный крест

мы друг друга уже кучу лет и приехали погостить на чудесное лесное озеро да послушать ветер бескрайней карельской тайги.

О животном мире

«Собака разлаялась на нее, побежала, медведица как шуганулась, а медвежонок боком следом идет. Это первый раз возле моего дома шуганула, а тут — бам, и ведро пропало с кормом, я вон оставлял для собаки корм, желтое пятилитровое ведро, вокруг дома-то обкошил, а тут — бам, пропало, и две полосы такие, прошла... небольшая, но с медвежонком лучше с ней не сталкиваться».

Лоси тоже заходят, в прошлом году сосед заходит в баню, а он стоит, говорит, прямо в огороде. А сестра у меня была, Татьяна, в окно фотографировала. Видать, зверя загнал, так бы просто не пришел. Вначале думал — медведь, а потом смотрю, ноги-то длинные для медведя, ходит, петляет по весне. А там лед — сверху каша, а потом еще нормальный лед идет. Петлял-петлял, потом как даванул туда, на ту сторону... кто его отсюда шуганул, не знаю.

Тут как-то на острове берлогу нашел, ну там небольшая, видать, муравейники собирает. Тут на мысу нашел берлогу в позапрошлом году, свежевывкопанную, еще не были в лежке, ну медведь по две, по три берлоги готовит.

«Гляжу в озера синие»

Мужики рассказывали: идем на лодке, два лося плывут, без рогов уже. Ну подъехали, погладили и дальше поехали, пофотографировали. Лось на воде беззащитный, он ниче не может сделать, но, если только землю почует копытом, все — кранты. Мужики рассказывали, тоже лось переплывал — взяли петлю накинули ему на рога и за собой под мотором подтащили, а тот дно нащупал где-то, как начал долбить, лодка вдребезги, хорошо хоть живые еще остались. Вот додуматься, мяса захотелось...»

О рыбалке

«Для себя на удочку ловлю. Я почти ведро на удочку окуней наловил, одна плотвичка только была. По осени сиг, лещ, плотва, окунь, щука, ну ерши, соответственно язь. Хариус есть. Мне вон плотвы поймал, поджарил, на котлеты накрутил. Щуку щас не ловлю, не попадает мне щука. Седня ночью был, одну тут поймал на кило с небольшим, Мишке отдал, он домой поехал, там соседи просили рыбы, а он бензина привез мне немножко».

О природе и случаях из жизни

«Щас на осень надо петарды купить будет, шумовые эти, в лес пойти. От медведя, довольно-таки громко. Сосед раньше-то охотился, а щас, смотрю, перестал, возраст, говорит, не тот, тяжело стало. Тут медведи, лоси, рыси, волки есть, лисы есть. Зайцев полно, гон у них, что ли. Да вроде нет... Я-то знаю, в тундре в апреле собираются в стаи, бегают. На Варандее, где работал раньше, по 10, по 15 штук носятся друг за другом. Мне как-то жалко. Я попробовал на охоту сходить один раз, в рябчиков стрельнул, рябчики все улетели. Они на

Немой диалог

березине сидели под елкой. Вся дробь по березе, а они все в разные стороны разлетелись, три штуки или четыре их было. Пошел на зайца, смотрю: заяц, ага, хлоп от меня бежать, я раз свистнул — встал, стоит смотрит. Несколько раз вокруг себя с визгом перевернулся и бежать от меня. Я за ним, плюнул потом, думаю, да ну ее на хрен, эту охоту, вон лучше с удочкой пошел, посидел. Не понравилось, сел вон домой, в избу приехал, да и все».

О гастрономии

«Грибы здесь белые, грузди, подберезовики, красноголовики, лисички, волнушки красные. Еще опята есть, свинушки есть — каких только

нету. Один год не было грибов, а тут свинушки, взял, нажарил, но они трухой отдают, так же как опята. Давно не сушил, даже солить перестал, просто мариную. С картошкой-то хорошо, канеш, грибочков достал, с маслицем, с лучком сделал, вот тебе, пожалуйста. Или сига соленого... Мясо хорошее, нежное. Ряпушку тоже, посолил, потом сполоснул, в банку с луком и с уксусом, постояла пару часов, и все, ешь».

На прощание дядя Миша вручил большой пакет сушеных окуньков нам в дорогу. Как здорово было уплетать их потом на берегу Онежского озера и вспоминать Муезеро с его многовековой историей, культурой и, конечно, людьми...

КОЛЕЖМА

Из всех поморских деревень Колежма особая. И вроде бы все как везде, и то же Белое море вокруг, да вот только есть в ней какая-то совершенно особенная статья. Я как-то задумался, почему так? Ведь много на беломорском побережье замечательных деревень. И кажется мне, что разгадка в том, что здесь до сих пор живут-теплятся два исконных промысла: шитье деревянных поморских карбасов и колхоз с поэтическим названием «Заря Севера», который занят традиционным промыслом наваги зимой и добычей фукуса — морских водорослей — летом.

Помню, как первый раз приехал в Колежму погожим летним днем, и сразу она захватила своим морским нутром, этими просмоленными карбасами, сетями на ветру, скалистыми берегами чуть поодаль от деревни. Здесь живут морем и только им, как издревле было заведено у поморов, причем круглый год.

Конечно, шитье карбасов сейчас уже почти сошло на нет, хотя еще с десятков лет назад все было гораздо оживленнее, и в Колежме шили пяти-шести-, а то и десятиметровые карбасы. Несмотря на то что лучше деревянного карбаса еще ничего не придумали (при скромных

Деревенский вечер

Рассвет на одноименной реке

Колхоз «Заря Севера»

размерах на нем можно увезти до 8 тонн груза), в наше время их мало кто заказывает, а молодому поколению мастеров они тоже не нужны. И выходит, что за последнее десятилетие один из коренных поморских промыслов практически сошел на нет.

Раньше их шили на весь поморский берег, даже на Онежском озере колежемские карбасы пользовались спросом среди рыбаков. Шьют их из елки или сосны. Елка более податливая и не сильно рвется, в отличие от сосны, но сосну нужно специально запаривать в воде, чтобы гнуть.

Сейчас на всем Белом море этот старинный промысел остался, пожалуй, лишь в Колежме да на Терском берегу в Чаваньге. Берут их в основном только колхозы. Вон они стоят грациозными лебедями на реке. Может, оттого и дышит еще деревня живым поморским духом, свежим морским ветром.

Жив еще и колхоз. Удивительное для нас название в нынешнее время, как будто из прошлого.

Зимой колежемские рыбаки идут на подледный промысел наваги. Выставляют мережи — длинные снасти с круглыми обручами с сеткой, куда и залетает рыба. В основном навага, но попадает и камбала, и корюх.

У самого Белого моря

Зимой

